

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА ХАНСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (М.БЕКЧУРИН, М.АЙТОВ, И.БАТЫРШИН)

Р.Ю.Почекаев, кандидат юридических наук

Роль чиновников-татар в развитии владений Российской империи в «Русской Центральной Азии» и, в частности, в Казахстане достаточно подробно изучается в последнее время¹. Их участие в реализации российской политики в отношении среднеазиатских ханств также привлекает внимание исследователей, однако в несколько меньшей степени. При этом наибольший интерес для исследователей представляет роль чиновников татарского происхождения (равно как и татарских торговцев) в развитии экономических отношений с ханствами Средней Азии и государствами центрально-азиатского региона в целом², до некоторой степени – в исследовании истории и культуры регион³. В настоящем исследовании предлагается более подробно рассмотреть вопрос о чиновниках татарского происхождения как информаторах о государственности и праве этих ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского. Насколько нам известно, эта тема до сих пор не привлекала внимания исследователей.

Несомненно, изучение государственного устройства и правовой системы среднеазиатских государств не являлось основной задачей российских дипломатов и,

тем более, путешественников (торговцев, ученых и пр.). Однако эти сведения были достаточно важны для российских властей, поскольку позволяли выстраивать более гибкую политику по отношению к Бухаре, Хиве и Коканду, адаптируя ее к среднеазиатским политико-правовым реалиям. И в этом вопросе чиновники-татары могли получать информацию более эффективно, нежели их коллеги русского происхождения: в общении с представителями среднеазиатских властей и населения у них практически (или даже полностью) отсутствовал языковой барьер, единство вероисповедания способствовало налаживанию более доверительных отношений и, как следствие – получению более подробных сведений. Кроме того, наличие определенных сходств в политических, правовых, культурных традициях татар и тюркских народов Средней Азии позволяло чиновникам татарского происхождения лучше понимать особенности политико-правового развития региона и, соответственно, более четко формулировать их в своих отчетных материалах по результатам миссий в Среднюю Азию.

В настоящей статье мы намерены проследить роль российских чиновников-татар в изучении го-

сударственности и права ханств Средней Азии на примере деятельности трех таких чиновников – Мендиара Бекчурина, Мухаммедшарифа Аитова и Искандера Батыршина. Безусловно, ими круг татарских дипломатов и путешественников, посетивших среднеазиатские ханства в XVIII–XIX вв. далеко не исчерпывается⁴. Однако именно эти три деятеля, на наш взгляд, представляют собой наиболее яркие примеры эффективной деятельности татар – пограничных имперских чиновников по сбору сведений политико-правового характера о ханствах Средней Азии.

Мендиар Бекчурин (1740–1821) служил переводчиком при Оренбургской губернской канцелярии и, в качестве такового неоднократно выполнял дипломатические поручения оренбургских губернаторов. Наверное, наиболее значительная из его поездок – это миссия в Бухару в 1781 г. по поручению военного губернатора И.А.Рейнсдорпа. Подробная информация об этой поездке содержится в серии отчетных документов, направлявшихся им в течение поездки в Оренбург в дальнейшем пересылавшихся пetersбургским властям⁵.

Для нас наиболее интересны его сведения об организации системы управления в Бухарском ханстве – номинальном верховенстве хана Абу-л-Гази и реальной верховной власти аталыка Даниял-бия, назначившего на ключевые должности своих родственников и сторонников⁶. Достаточно подробно М.Бекчурин описал и административный аппарат ханства, во мно-

гом унаследованный от монгольской имперской традиции (аталык, шигаул, ясаулы и пр.) – благодаря тому, что ему самому пришлось пройти «через руки» большого количества чиновников⁷. Упоминает М.Бекчурин также о суде и расправе «на основании их Алкорана», которую осуществляет сам аталык и назначаемые им чиновники⁸. Представляет определенный интерес также характеристика Бекчуриним системы налогов и сборов Бухарского ханства, включая земельный налог, различные промысловые сборы, а также «подушную подать с жидов», т.е. с иноверцев⁹; в результате можно сделать вывод, что в налоговой системе ханства сочетались как налоги, предусмотренные шариатом, так и оставшиеся от «чингизидского» времени.

Некоторые авторы считают, что сведения М.Бекчурина не обладают большой ценностью, поскольку, якобы, он провел почти все время в Бухаре фактически под арестом и не имел возможности собрать значительной информации о ханстве¹⁰. Полагаем, что такая оценка несколько сурова и в большей степени относится ко второй миссии Бекчурина – на этот раз в Хиву в 1819–1820 гг., которую он осуществил по указанию уже другого оренбургского военного губернатора, П.К.Эссена. Дипломату предписывалось обсудить с ханом и его советниками вопросы торгового сотрудничества и возврата русских пленных, однако миссия окончилась неудачно, да и сведений о ханстве Бекчурину собрать не удалось, поскольку его содер-

жали «под крепчайшим присмотром в унизительном месте четыре месяца»¹¹.

Важные сведения о Хивинском ханстве были собраны уже М.Аитовым (р. 1802) – переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, который, правда, попал в Хиву не по своей воле. В конце 1839 г. он был отправлен оренбургским военным губернатором В.А.Перовским в Казахскую степь для найма верблюдов для «зимнего похода» на Хиву, но был схвачен казахами, у которых его вскоре забрали хивинские эмиссары и доставили в Хиву.

Некоторое время Аитов провел в ханском подземелье, которое он описал в своем отчете¹², но, тем не менее, и тогда имел возможность общаться с самим ханом Алла-Кули, его мехтером (фактически канцлером) Якуб-баем, казахским султаном Каип-Гали Ишимовым – хивинским ставленником на троне Младшего жуза. А к лету 1840 г. хан решил возобновить переговоры с Оренбургом, и М.Аитов был освобожден, став своего рода советником хана по вопросу восстановления мирных отношений с Российской империей¹³.

В это время Аитов начал собирать ценную информацию о политической ситуации в Хивинском ханстве, положении хана и влиянии чиновников, намерениях Хивы относительно казахов Младшего жуза. Хан позволил М.Аитову участвовать в поисках русских пленников в Хиве для отправки их на родину, и он получил возможность собрать также неофициаль-

ную информацию, в т.ч. и слухи. В частности, это позволило ему узнать о расстановке сил в ханстве, истинном отношении хивинских властей к казахским вассалам и пр. Важной оказалась информация о пребывании в Хиве английских агентов, в частности – лейтенанта Р.Шекспира, которого Аитов по возвращении в российские пределы помог разоблачить и выслать¹⁴.

Сведения Аитова о Хиве были оценены по достоинству: в 1841 г. он был включен в миссию капитана П.Никифорова, причем после ее окончания В.А.Перовский видел его в качестве «постоянного русского агента» в Хиве, что было одобрено и руководителем российского МИДа К.В.Нессельроде¹⁵. Согласно предписаниям, на Никифорова возлагались официальные переговоры с ханом и его сановниками, на будущего же агента ложилась вся работа по установлению неформальных контактов и сбор информации о Хиве и ее соседях. Впоследствии Никифоров в письме В.А.Перовскому высоко отозвался о дипломатических способностях Аитова, его умении находить общий язык с самыми разными лицами¹⁶.

Хан поначалу согласился оставить М.Аитова в Хиве в качестве постоянного русского представителя, но затем передумал. Полагаем, причиной такого решения было именно слишком хорошее знание Аитовым хивинских реалий и расстановки политических сил в Хиве и зависимых от нее казахских регионах. Так, когда переговоры между посланцем В.А.Перовского и ханом по поводу статуса Младше-

го жуза, зашли в тупик, хан устроил Никифорову встречу с казахскими султанами и биями, признававшими власть Хивы – чтобы они подтвердили, что не признают власти русских и находятся под сюзеренитетом Хивинского ханства. Его казахские сторонники обвинили русских в постоянных походах в степь, а также заявили, что, будучи мусульманами, казахи не имеют права подчиниться христианам-русским. Но М.Аитов убедительно опроверг все аргументы приверженцев хивинского хана. Так, в ответ на довод о неподчинении иноверцам он привел пример Османской империи. На упреки по поводу русских экспедиций в степь он прямо заявил, что присутствующие не вправе говорить от имени всех казахов, поскольку сами являются мятежниками. А в заключение Аитов, уже успевший изучить историю Хивы, напомним казахским султанам, что их прямые предки еще менее века назад сами занимали трон Хивы, а теперь они сами являются вассалами потомка их же прежних санджаров! В результате многие из казахских сторонников Алла-Кули-хана стали добиваться встречи с капитаном Никифоровым, чтобы получить амнистию и право вернуться в родные степи¹⁷. В результате М.Аитов выехал из Хивы, но за участие в миссии Никифорова в 1842 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Сведения М.Бекчурина и М.Аитова были преимущественно практического характера и основывались преимущественно на личных впечатлениях. Существенно

отличается от них информация о государственности и праве Хивы, собранная еще одним переводчиком Оренбургской пограничной комиссии – И.Батыршиным (р. 1819). Он не бывал в Бухаре или Хиве: самыми дальними его поездками были миссия на Мангышлак и участие в походе В.А.Перовского на кокандскую крепость Ак-Мечеть. Тем не менее, Батыршин, в отличие от М.Бекчурина и М.Аитова, признается исследователями не только эффективным чиновником, но и талантливым ученым¹⁸, и его сведения как по итогам общения с представителями населения Центральной Азии, так и по личным впечатлениям представляют не меньшую ценность, чем отчеты его предшественников, лично посетивших ханства.

К числу наиболее ценных работ относится «Записка», подготовленная И.Батыршиным по результатам общения с казахским султаном Ермахаммадом (Иликеем) Касымовым – еще одним хивинским ставленником на троне Младшего жуза, который в 1852 г. сдался русским властям. И.Батыршин провел немало времени, общаясь с султаном (к которому, судя по отзывам о нем в своих отчетах, испытывал большую симпатию) и получил весьма ценные сведения о Хивинском ханстве¹⁹. Несомненно, заслугой Батыршина стало то, что он сумел систематизировать сведения султана, соотнести их с другой имеющей информацией о ханстве (возможно, и с материалами М.Аитова) и представить их в виде целостной характеристики. К сведениям о

государственности и праве следует отнести, в частности, сведения о статусе хивинского правящего рода Кунграт, взаимоотношении его представителей между собой, о полномочиях чиновников – мехтера, махрема, кушбеги, кази-калян²⁰. Важными являются сведения об организации управления казахами, признававшими власть Хивы – о претендентах на ханский трон, взимании с казахов закята и т.д.²¹ Эти сведения представляли ценность, поскольку отражали приверженность Хивы к прежним традициям управления в Казахстане, к этому времени радикально измененным в результате российских реформ. Естественно, консервативно настроенные казахи склонялись к признанию власти Хивы, а не России.

Важная информация содержится также и в дневнике И.Батыршина, который он вел во время похода В.А.Перовского на Ак-Мечеть в 1853 г.²² Несмотря на то, что формально этот документ представлял собой запись ежедневных впечатлений автора, фактически он содержал и важные наблюдения относительно политико-правовой ситуации в регионе. Неслучайно после возвращения из похода Батыршин представил доработанную версию дневника Перовскому, который намеревался его издать, но не успел это сделать из-за ухудшения здоровья²³.

Весьма важным представляется наблюдение чиновника о признании кокандцами за вышеупомянутым Иликеем ханского достоинства: не только с Перовским, но и с ним вели переговоры власти Ак-Мече-

ти и подвластные Коканду кочевые племена²⁴. Чингизидское происхождение султана делало его легитимным претендентом на трон любого среднеазиатского государства (в отличие от правителей Коканда из узбекского рода Минг с сомнительной легитимностью). Также в дневнике содержатся сведения, касающиеся административного устройства ханства – статуса и полномочий ташкентского бека, которому подчинялся комендант Ак-Мечети, и фактической независимости его от Коканда²⁵. Также дается характеристика системы управления кочевыми подданными ханства (во главе которых стояли «сотенные начальники», назначаемые кокандскими властями), сбора с них закята ханскими чиновниками-ясаулами и т.д.²⁶

Как видим, сведения имперских чиновников-татар о государственности и праве среднеазиатских ханств довольно разнообразны и нуждаются в дополнительном подробном исследовании на предмет их изучения и соотнесения с другими источниками информации о политико-правовой ситуации в Бухаре, Хиве и Коканде в конце XVIII – середине XIX в.

В заключение следует отметить несколько противоречивое положение чиновников-татар. С одной стороны они находились на службе Российской империи, пользовались доверием своего начальства и качественно выполняли возложенные на них поручения. С другой же стороны они являлись тюрками и мусульманами и, в качестве таковых, вызывали определенное доверие у представителей среднеазиат-

ских ханств и, возможно, платили им тем же. Достаточно вспомнить тот факт, что Алла-Кули доверительно советовался с М.Аитовым о перспективах развития русско-хивинских отношений или, например, несомненную симпатию И.Батыршина к бывшему хану Иликею – ставленнику хивинских властей, столь отличавшуюся от всеобщей нелюбви к нему в окружении оренбургского генерал-губернатора Перовского. Думается, эта «двойственность» в положении чиновников татарского происхождения в полной мере осознавалась имперской пограничной администрацией, руководители которой эффективно использовали ее в своих интересах. Вероятно, именно это обусловило ту значительную роль, которую сыграли чиновники-татары в сборе информации о ханствах Средней Азии и в разработке и реализации имперской среднеазиатской политики в целом.

В связи с этим считаем целесообразным подчеркнуть, что записки чиновников татарского происхождения, проанализированные в рамках настоящей статьи (возможно, за исключением «Краткого дневника» И.Батыршина) не являются научными трудами, поскольку представляют собой результаты профессиональной, служебной, деятельности чиновников – отчеты, письма и аналитические записки.

Тем не менее, они не только содержат ценные сведения о государственности и праве среднеазиатских ханств (отражая и реальное положение дел в ханствах, и личные позиции авторов по тем или иным аспектам их политико-правового развития), но и в известной степени повлияли на формирование последующей традиции востоковедных исследований в России. Отечественные востоковеды, изучая историю, культуру, религию, государства и права, не исходили из установки об их несовершенстве по сравнению с западными ценностями (подобно европейским «ориенталистам»), а старались объективно изучить все эти аспекты жизни центрально-азиатских обществ и практически применить полученные знания для выстраивания эффективных отношений с ними. Полагаем, далеко не последнюю роль в этом сыграло изучение ими записок татар-чиновников конца XVIII – середины XIX вв.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

1 См., напр.: Султангалиева Г. Татары в административном управлении Казахстаном // История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш.Марджани, 2013. С. 351–357;

Sultangalieva G. The Russian Empire and the intermediary role of Tatars in Kazakhstan: The politics of cooperation and rejection // *Asiatic Russia: Imperial power in regional and international contexts* / Ed. by T.Uyama. – London; New York: Routledge, 2012. P. 53–79.

2 Гулямов Х.Г. К истории связей между Россией и Бухарой во второй половине XVIII века // *Общественные науки в Узбекистане*. 1976. № 7. С. 38–40; Игдавлетов И.С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 354–356; Тухфатуллина Г.Н. Татарские купцы в российско-китайских торговых отношениях // *Наука вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции*. Воронеж, 05–09 сентября 2016 г. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Петра, 2016. С. 392–396; Шкунов В. Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // *Гасырлар авазы–Эхо веков*. 1997. № 3/4. С. 64–69.

3 См., напр.: Султангалиева Г. Татары в административном управлении Казахстана // *История татар с древнейших времен*. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш.Марджани, 2013. С. 351–357.

4 См., напр.: Игдавлетов И.С. Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 354–356; Игдавлетов И.С. Дипломатическая деятельность Максюта Юнусова и Менди-яра Бекчурина в юго-восточной политике России в XVIII в. // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 13. С. 114–116.

5 Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург записок лежащему тракту (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году) / Пред. С.Жуковского // *Восточный сборник*. Кн. II. – СПб.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1916. С. 275–340.

6 Там же. С. 301.

7 Там же. С. 297–301.

8 Там же. С. 301.

9 Там же. С. 304.

10 См., напр.: Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 19; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Пг.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1915. – XII. С. 89–91.

11 Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. С. 142–144.

12 Цыпляев П.И. Рукописи С.Н.Севастьянова // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXIII. – Оренбург, 1911. С. 240.

13 Там же. С. 241–244.

14 Султангалиева Г.С. Каратолмач. Штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // *Панорама Евразии*. 2008. № 2 (2). С. 17.

15 Серебренников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. III. 1841 год. – Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912. № 13. С. 21.

16 Там же. № 52. С. 95; № 60. С. 113.

17 Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // *Военный сборник*. 1862. № 9. С. 76–77.

18 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. Путевой дневник переводчика И.А.Батыршина о военном походе В.А.Перовского на Акмечеть // *История Казахстана в документах и материалах*. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 280.

19 Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 300–318.

20 Там же. С. 305, 306.

21 Там же. С. 302, 307.

22 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В.Ерофеевой, Б.Т.Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 300–372.

23 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. Путевой дневник переводчика И.А.Батыршина о военном походе В.А. Перовского на Акмечеть // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 285–286.

24 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В.Ерофеевой, Б.Т.Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. С. 335, 339.

25 Там же. С. 335–336, 342.

26 Там же. С. 339, 347.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, e-mail: ropot@mail.ru.

Аннотация: В статье анализируется роль и значение российских чиновников татарского происхождения в сборе сведений о государственности и праве среднеазиатских ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского – в XVIII–XIX вв. В качестве примеров разобрана деятельность трех служащих Оренбургской пограничной комиссии – М.Бекчурина, М.Аитова и И.Батыршина. Двое первых из них выполняли дипломатические поручения в среднеазиатских ханствах, третий взаимодействовал с информаторами из указанных ханств. Всех трех объединяет то, что они были тюрками и мусульманами. Это, во-первых, располагало к ним население ханств (включая и представителей их властных элит) и позволяло собрать больше полезной информации. Во-вторых, будучи сами представителями тюрко-мусульманской культуры, они были способны лучше понять и оценить уровень политико-правового развития ханств Средней Азии и объективно отразить эти сведения в отчетах для своего руководства. Также необходимо отметить, что принадлежность к тюрко-мусульманскому миру по происхождению никоим образом не влияла на качество выполнения ими заданий оренбургских властей, и они всячески старались способствовать реализации российской политики в государствах Средней Азии и продвижению Российской империи в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Кокандское ханство, татарские чиновники, Оренбургская пограничная комиссия, тюрко-монгольское право, мусульманское право.

Abstract: Article devoted to analysis the role and significance of Tatar-born Russian officials in gathering information about state and law of the Central Asian khanates – Bukhara, Khiva, Khoqand in the 18th-19th cc. on the examples of M.Bekchurin, M.Aitov and I.Batyrrshin. All of them served as officials of the Orenburg Frontier Commission, two of them were diplomats in Bukhara and Khiva, last one contacted with informers from above-mentioned khanates. The common feature for them was that they were Turks and Moslems. Firstly that fact provided Central Asian population's sympathies to them (including favor of representatives of the ruling elites of the khanates) and gave an opportunity to gather more useful information. Secondly, as representatives of the Turkic-Islamic culture they could better understand and estimate the level of political and legal development of the Central Asian khanates and prepare impartial reports for their chiefs. Also it's necessary to notice that their affiliation with Turkic-Islamic world didn't influence on quality of fulfillment of missions by such officials: they tried all ways to contribute to realization of the Russian policy in the Central Asia and advance of the Russian Empire in this region.

Keywords: Russian Empire, Bukharan Khanate, Khivan Khanate, Kokand Khanate, Tatar officials, Orenburg Frontier Commission, Turkic-Mongolian law, Islamic law.